

Сыровегин Игорь Эдуардович

ОРЕНБУРГСКИЕ ВЛАСТИ И КАЗАХИ МЛАДШЕГО ЖУЗА (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА)

Статья раскрывает процесс взаимоотношений между российской властью в лице местной оренбургской администрации и казаками Младшего Жуза, принявшими российское подданство в первой половине XVIII века. Основное внимание в работе автор уделяет военно-политическому аспекту утверждения российской власти на территориях казахских племен Младшего Жуза в первой четверти XIX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/6/50.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (73). С. 161-165. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Существует возможность отмечать любой участок предложения как незначительный, добавив в качестве его интерпретации пробельный символ. Тогда все обработчики на одной из веток анализа будут считать, что вместо данного участка в тексте стоит пробельный символ.

Подобным образом легко реализуются различные автоматические «исправители» опечаток. Все возможные варианты просто добавляются в качестве альтернативных интерпретаций.

В модели потоков интерпретаций легко реализуется возврат на предыдущие этапы анализа и даже оценка достоверности полученных результатов. Обработчики потока интерпретаций независимы друг от друга, и поэтому анализ с их помощью представляет собой легко масштабируемый, прозрачный процесс.

Разумеется, подход, основанный на потоках интерпретаций, не лишен недостатков. Основной недостаток данного подхода – значительно большая сложность реализации обработчиков по сравнению с анализаторами. Увеличение сложности связано со сложностями обработки потока интерпретаций, который может содержать альтернативные интерпретации одного участка текста, неинтерпретированные участки и др. Кроме того, структура обработчиков, напрямую независимых друг от друга, безусловно, сложнее планарной структуры анализаторов. Тем не менее, получаемые удобства стоят затраченных усилий на разработку сложных алгоритмов обработчиков потоков интерпретаций.

В статье был описан разработанный подход к анализу текстов на естественном языке при помощи потоков интерпретаций. Данный подход является естественным усовершенствованием традиционного поэтапного подхода к анализу. Имея достаточно приемлемый список недостатков, потоки интерпретации представляют собой удобный инструмент, позволяющий эффективно вмешиваться в любой этап процесса анализа. Вместо набора преобразователей предлагается использовать обработчики потока интерпретаций, каждый из которых работает независимо и имеет своей целью дополнение потока новой информацией. Отсутствие ограничений на количество альтернативных интерпретаций одного и того же участка текста позволяет легко порождать альтернативные ветки анализа, сложно реализуемые в традиционном подходе.

Список литературы

1. Власов Д. Ю., Пальчунов Д. Е., Степанов П. А. Извлечение отношений между понятиями из текстов на естественном языке // Вестник НГУ. 2010. Т. 6. № 3. С. 23-33.
2. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100000 слов. М.: Русский язык, 1997.
3. Пальчунов Д. Е. Решение задачи поиска информации на основе онтологий // Бизнес-информатика. 2008. № 1. С. 3-13.
4. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 1997.

УДК 947

Исторические науки и археология

Статья раскрывает процесс взаимоотношений между российской властью в лице местной оренбургской администрации и казахами Младшего Жуза, принявшими российское подданство в первой половине XVIII века. Основное внимание в работе автор уделяет военно-политическому аспекту утверждения российской власти на территориях казахских племен Младшего Жуза в первой четверти XIX века.

Ключевые слова и фразы: казахи; оренбургская администрация; пограничная линия; баранта; казачество; военные экспедиции.

Сыровегин Игорь Эдуардович

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
isyrovieghin@mail.ru*

ОРЕНБУРГСКИЕ ВЛАСТИ И КАЗАХИ МЛАДШЕГО ЖУЗА (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА)©

К началу XIX века внешнеполитические позиции России на юго-восточном направлении можно характеризовать как достаточно прочные и опирающиеся на уже сложившуюся систему военного и гражданского управления. Основа русского присутствия на юго-восточных рубежах была заложена в 30-е годы XVIII века во время работы «Оренбургской экспедиции» тайного советника И. К. Кириллова. Основным достижением миссии Кириллова стала закладка Оренбургской пограничной линии, вокруг которой стала складываться вся система управления краем на весь последующий период, вплоть до середины XIX века. Освоение и колонизация Оренбургского края продолжались на протяжении большей части XVIII и первой половины XIX века. 15 марта 1744 года императрица Елизавета Петровна издала указ об образовании Оренбургской губернии, с чего начинается систематическая работа русских властей по освоению этого огромного края [8, с. 9].

При всей важности вопроса территориального расширения империи, чему российская власть всегда уделяла громадное значение, юго-восточное направление на начало XIX века не входило в число приоритетных в русской внешней политике. Традиционные европейское или все более приобретающее важность кавказское направления поглощали львиную долю усилий и ресурсов империи. При этом и центральная, и местная администрации, несомненно, понимали те политические и экономические выгоды, которые приобретала Россия по мере укрепления своего положения на юго-восточных рубежах. Прежде всего, это упрочнение положения России не только как мощной европейской, но и азиатской державы и освоение новых рынков для сбыта русских товаров, в чем все большую заинтересованность начинает проявлять не только государство, но и русская буржуазия.

Условно все усилия по упрочнению русского влияния на указанном направлении можно разделить на два течения, находившихся между собой в тесной взаимосвязи: это дальнейшее укрепление русского влияния среди казахов, формально принявших русское подданство в 30-е годы XVIII века, и установление более тесных и регулярных отношений с государствами Средней Азии, которые, в свою очередь, имели сильное влияние на верхушку казахских племен, в том числе в деле помощи или противодействия политике России.

Как известно, начало формального признания подданства России со стороны казахских племен берет свое начало в 1730 году, когда хан Младшего Жуза Абулхаир обратился с письмом о подданстве и покровительстве к императрице Анне Иоанновне [13, с. 19]. Ответом стала жалованная грамота Анны Иоанновны от 19 февраля 1731 года с повелением о принятии хана со всем подвластным ему кочевым населением в российское подданство. Примеру Младшего Жуза последовали часть Среднего – в 1734 году, а затем и Старший – в 1738 году. Однако, как показали дальнейшие события, это подданство вплоть до 20-х годов XIX века носило, в большей степени, формальный характер. Наглядным примером может служить тот факт, что еще на протяжении почти века «новоявленные» подданные совершали набеги на русские земли, разоряли населенные пункты и небольшие укрепления пограничной линии, уводили и продавали на невольничьих рынках Азии многочисленных русских пленников. По неполным данным число таких пленников с 1758 по 1831 годы составило порядка 3500 человек [20, с. 58]. По сути, на протяжении почти столетия на юго-восточных рубежах фактически существовало две границы – реальная и фиктивная, существовавшая исключительно на бумаге. Это создавало превратное представление о положении дел на территориях у центральной власти, а местные чиновники могли использовать эту ситуацию в своих, часто корыстных целях [5, с. 218-219]. Именно постоянная военная опасность, исходившая от степняков или, как чаще их именовали в официальной переписке, «хищников», во многом способствовала развитию Оренбуржья как территории, где определяющим для основной массы населения являлся военно-служилый уклад жизни со всеми его положительными и отрицательными следствиями. Большая часть населения края, с момента его освоения, начала использоваться именно для защиты его рубежей, постепенно оформляясь в военно-служилое сословие как фактически, так и юридически. По сути, русская власть с самого начала колонизации Оренбургского края не имела другой альтернативы в деле защиты границ, как развитие службы иррегулярных войск и казачества, которые в условиях недостатка населения и дороговизны мероприятий по обустройству протяженных границ становились основой русского военного и административного присутствия на этой окраине Российской империи. Неясность с фактическим статусом казахских племен или, по терминологии XVIII-XIX веков, «киргиз-кайсаков» продлилась практически целое столетие, вплоть до 30-х годов XIX века [6, с. 9]. Эта неопределенность нередко побуждала русскую администрацию как в центре, так и на местах, к проведению часто противоречивой и непоследовательной политики по отношению к казахам. На местном уровне попытка систематизировать отношения со степью вылилась в создание в 1799 году Оренбургской пограничной комиссии, которая сосредоточила в своих руках всю полноту административных, финансовых и гражданских отношений с «киргиз-кайсаками», которые очень часто как в официальной, так и в частной переписке именовались таким понятием как «орда». Образование комиссии в целом упорядочило систему формальных отношений со степью, но не решило принципиально вопрос о наведении порядка на приграничной территории. Так, успешной мерой можно считать попытку усилить русское влияние путем предоставления части родов права на кочевку в зимнее время на правом берегу реки Урал, что часто спасало степных жителей от голода, особенно в периоды суровых зим. Практическим результатом этой деятельности стало создание фактически еще одного степного объединения, вошедшего в историю под названием Внутренней или Букеевской орды (по имени хана Букея, ставшего в 1812 году ханом этого образования) [14, с. 109]. В последующий период представители данной орды подвергались нападениям со стороны более агрессивных соплеменников, что требовало от русских властей дополнительных мер по их защите. При этом в целом казахи Букеевской орды были лояльны к русской власти и в меньшей степени становились участниками агрессивных вылазок на прилинейных территориях. К 1824 году количественный состав этого объединения насчитывал порядка 10000 кибиток с 50000 душами обоюбого пола [18, д. 57, л. 16 об. – 17 об.]. В 1810 году в состав русской территории был включен участок площадью 600000 квадратных десятин между реками Урал, Илек и Бердянка, изначально освоенный башкирами, а во время постройки пограничной линии перешедший в русское владение [Там же, д. 61, л. 7 об.]. Впоследствии район получил название Илецкого, главную и несомненную ценность вновь прирезанной территории составляли соляные прииски, дававшие до 1 млн пудов соли в год [Там же, л. 17 об.]. Далее территория района войдет в состав войсковой территории Оренбургского казачьего войска. Однако ее прирезка была болезненно воспринята казахскими родами, что привело к росту числа набегов на русские земли. Очень часто вдохновителями и организаторами этих

набегов выступали посланцы среднеазиатских ханств, в первую очередь Хивы. В ходе данных набегов в период с 1800 по 1815 годы в плен было уведено 395 чел., а возвращено или выкуплено только 112 чел. [17, с. 130]. Цена пленников доходила до 200 руб., но сами киргизы предпочитали получать выкуп не деньгами, а животными: от 50 до 100 баранов или от 7 до 10 кобыл за каждого пленника. Хивинцы же предпочитали менять пленных на золото – от 30 до 50 червонцев, то есть от 120 до 150 руб. за каждого из захваченных [15, с. 154]. Такая политика среднеазиатских властей стимулировала захват пленников на прилинейных территориях, что вело к эскалации набегов и грабежей.

Неудачей завершилась попытка обложить прилинейных жителей так называемым специальным сбором или налогом, введенный в начале XIX века, он предусматривал взимать при переходе киргизов на русскую сторону: с лошади по 1 коп., с коровы или быка по 1 деньге, а с барана или овцы по 1 полушке в месяц [14, с. 108]. В результате налог собирался плохо, реальных доходов казне не приносил, а русское влияние подорвал значительно, вызвав усиленное присутствие в степи посланников среднеазиатских государств, в основном настроенных по отношению к России агрессивно и недоброжелательно. На протяжении периода своего существования ханская власть в Младшем Жузе всегда была слаба, внутри Жуза шла постоянная клановая усобица, носители ханской власти должным авторитетом и уважением среди соплеменников не пользовались. Реальная власть в степи в этот период принадлежала султанам, возглавлявшим родовые объединения, независимым в выборе действий, в том числе и по отношению к русским властям. Постоянно создавали напряженность на границах Малой Орды и соседи: с юга часто казахи подвергались нападениям агрессивных хивинцев, на севере были часты стычки с башкирами, на западе достаточно агрессивно вели себя уральские казаки, претендовавшие на часть киргизских земель [16, с. 325]. Это создавало постоянную напряженность как внутри орды, так и на ее границе с русскими владениями. Многочисленные султаны и бии часто лично возглавляли набеги на русские поселения, что позволяло им сохранять авторитет среди рядовой массы кочевников и выстраивать собственные отношения с верхушкой среднеазиатских государств. Систематическим явлением в жизни приграничных территорий являлся грабеж караванов русских купцов, пытавшихся начать систематическую торговлю со среднеазиатскими государствами. Так, например потери купцов в 1806 году в результате грабежей и нападений составили 1396233 рубля [17, с. 130]. Именно отсутствие безопасных путей для торговых караванов являлось главной причиной того, что первая четверть XIX века не стала переломной в деле налаживания постоянной торговли как со Средней Азией, так и непосредственно с казахами оренбургского и сибирского ведомств. Снаряжение торговых караванов в таких условиях превращалось в мероприятия чрезвычайно дорогие, экономическая выгода от которых не оправдывала затраты на них. Но даже присутствие при караванах вооруженной охраны не защищало их от разграбления и убытков. Широкий резонанс имели события, связанные с нападением на караван, перевозивший товары из Оренбурга в Бухару в ноябре 1824 – январе 1825 года. Потери купцов составили 40 тыс. баранов, 2 тыс. тюков с товарами и более 1,5 тыс. верблюдов [2, с. 29]. Несомненно, на агрессивные действия казахов оказывал влияние тот факт, что уровень жизни подавляющего числа степных жителей был очень низким, приобретение большинства товаров первой необходимости было просто невозможно по причине их дороговизны, что часто являлось побудительным мотивом к участию в так называемой «баранте», то есть в набегах на поселения пограничной линии, угоне скота и людей. Печальным явлением в жизни казахов Младшего Жуза являлась невозможность содержать своих детей, что заставляло казахов продавать их линейным жителям и хивинским феодалам. На эти факты указывал этнограф и историк уральского казачества А. Левшин, по данным которого в 1815 году, в течение одного месяца, близ города Гурьева было продано около ста казахских детей [16, с. 130].

Слабость ханской власти не могла устроить власти русские, ибо не приводила к установлению надлежащего спокойствия в степи. Изменение данного положения началось в начале 20-х годов XIX века с северо-восточной части казахской степи, юридически подчинявшейся ведомству сибирского генерал-губернатора. В 1822 году по инициативе М. М. Сперанского в области сибирского генерал-губернаторства вводится «Устав о сибирских киргизах», упразднявший ханскую власть и введивший должности султанов-правителей. А в 1824 году аналогичные мероприятия проводятся и в Младшем Жузе, то есть в области казахов оренбургского ведомства. Вся территория Жуза отныне делилась на три части: восточную, среднюю и западную по числу наиболее крупных родовых объединений (алим, жетьыру и байулы). На тот момент ханом Младшего Жуза являлся Ширгазы, внук Абулхаира, возведенный на эту должность в 1812 году [19, д. 112, л. 8]. Будучи лишен власти, он был отправлен на постоянное жительство в Оренбург, а вместо ханской власти были введены должности султанов-правителей указанных частей с постоянно находящимися при них отрядами казачьей кавалерии [7, с. 240-241]. Султаны фактически превращались в чиновников, находившихся под контролем Оренбургской пограничной комиссии, претерпевала также изменения и система судопроизводства. Теперь все дела, связанные с убийствами, грабежами, угонами скота, угонами людей в рабство, рассматривались особыми военными судами. За кражи и нанесение прочего материального вреда прилинейным жителям казахов судил уголовный суд пограничной комиссии с участием султанов-правителей [4, с. 108]. Присутствие при ставках султанов-правителей постоянных казачьих отрядов должно было дать последним независимость от влияния агрессивных соплеменников, казаки также участвовали в подавлении мелких восстаний, умирляли непокорные аулы и в целом исполняли военно-полицейские функции. Все эти меры, несомненно, приводили к определенной стабилизации положения в степных районах, но при этом часть султанов, лишенная в результате административной реформы реальной власти, стала той силой, которая попыталась вернуть прежнее положение путем прямого участия в антирусских выступлениях

20-40-х годов XIX века. Так, в 1827-1829 годах попытку восстановить ханскую власть в Младшем Жузе предпринял Каип-Галий Ишимов, он объявил себя наследником последнего хана Жуза Ширгазы, призывал соплеменников не подчиняться царской администрации и откочевывать во владения хивинского хана [Там же, с. 109]. Пик антироссийских выступлений приходится на вторую половину 30-х – начало 40-х годов XIX века и связан с мощным для того времени выступлением султана Кенесары Касымова [1, с. 78-80].

Новая система управления, несомненно, была крупным шагом на пути ликвидации политической самостоятельности Жузов, но при этом русские власти не порвали полностью с казахской аристократией, приблизив к себе ее часть, превратившуюся в их опору на период до активного проникновения России в среднеазиатские пределы, начавшегося в 30-е годы XIX века. Так, при некоторых ставках султанов-правителей создаются школы с трехлетним курсом обучения. Эти школы выпускали письмоводителей при родоправителях, дистанционных и местных начальниках. Выпускники указанных школ овладевали чтением и письмом на русском и татарском языках, толкованием Корана и азами арифметического счета. Часть выпускников этих школ впоследствии поступала на курсы при Оренбургской пограничной комиссии, после окончания которых лучшие ученики имели возможность поступить в Неплюевское училище в Оренбурге, позже преобразованное в Неплюевский кадетский корпус. Одновременно с упразднением ханской власти увеличивается налоговое бремя на жителей степи, устанавливаются такие налоги как за пользование сенокосами, рыбную ловлю, вывоз соли и т.д. Еще в 1820 году был установлен сбор с прилинейных жителей за наем на работу казахов в размере 50 коп. в месяц с каждого нанимающегося [3, с. 131]. Очень большое распространение труд казахов получил на рыбных промыслах Каспия, а также на соляных и лесных разработках. Также делаются попытки внедрения в жизнь казахов оседлых форм хозяйствования, в первую очередь земледелия. Но попытки эти успехом не увенчались, как отмечал в 1823 году чиновник оренбургской таможни Звенигородский, при свойствах земли в казахской степи «она никогда не может быть заселена постоянными жилищами, и народ, в ней обитающий, всегда должен быть кочевым и пастушеским» [Цит. по: 21, с. 241-242]. Эту точку зрения впоследствии разделяли такие видные администраторы как оренбургские военные губернаторы П. П. Сухтелен и В. А. Перовский. Они отмечали, что, находясь именно в кочевом состоянии, казахи в большей степени будут потребителями русского хлеба и изделий мануфактурной промышленности [Цит. по: 12, с. 226-227]. Поэтому и в последующие периоды скотоводство оставалось основным хозяйственным занятием казахов, не закладывая основ земледелия и оседлости.

Безусловно, проведенные мероприятия в целом укрепили позиции России в казахской степи, но не могли в основе искоренить процветающую среди казахов «баранту» со всеми негативными сопутствующими явлениями. По-прежнему в официальной переписке типичными были донесения следующего характера: «в июне месяце прошлого 1823 года учинено нападение на посланный в степь отряд полковника Милорадовича, в результате убито 2 тептярей, взято в плен 22 человека тептярей и башкирцев, угнано 154 лошади стоимостью 16340 рублей» [11, с. 241].

В деле противодействия набегам степняков на пограничную линию оренбургские власти в указанный период прибегали к традиционной на тот момент практике посылки вооруженных отрядов в степь. Эта тактика была малоэффективной, казачьи отряды при всем своем умении не могли постоянно преследовать степняков на громадных расстояниях степи. Карательные меры в виде разорения аулов и угонов скота лишь озлобляли степных жителей и приводили к новому витку агрессии в отношении России. Вот как характеризовал действия русских отрядов в степях знаменитый «покоритель» Средней Азии генерал К. П. Кауфман в 1868 году, выступая в городе Ташкенте перед знатью города: «в 20-30-х годах в казахской степи администрация была дурная. Наши чиновники, в особенности казачьи начальники, были настоящими грабителями. Мы преследовали у киргизов баранту и разбой, а посылаемые часто в степь отряды действовали подчас хуже самых вольных сынов степей» [Цит. по: 9, с. 231]. Эти признания, рисуящие некоторые неприглядные стороны русской колониальной политики, ценны тем, что сделаны одним из самых высокопоставленных царских чиновников. Таким образом, взаимное недоверие сторон порождало многочисленные конфликты и нападения. Кардинально этот вопрос смог разрешиться лишь с выдвинутым системой русских укреплений непосредственно к границам Средней Азии, что начало осуществляться с 30-х годов XIX века.

Список литературы

1. Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана. Алматы, 1994.
2. Банникова Е. В. Уральское купечество в русско-азиатской торговле первой половины XIX века // Российская история. 2009. № 1.
3. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20-40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1947.
4. Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1958.
5. Венюков М. Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов обороны их // Военный сборник. 1872. № 2.
6. Волиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5-ти т. Алма-Ата, 1961. Т. 1.
7. Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Алма-Ата, 1960.
8. Губернаторы Оренбургского края / сост. В. Г. Семенов, В. П. Семенова. Оренбург, 1999.
9. Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII – первой половины XIX века. Алма-Ата, 1960.
10. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5-ти т. Алма-Ата, 1979. Т. 3.
11. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. (1771-1867 годы): сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1960.

12. Кипянина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX века). М., 1984.
13. Кляшторный С. Симбиоз. Россия и Казахстан: евразийская перспектива // Родина. 2004. № 5.
14. Костенко Л. В. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871.
15. Кривошеков А. И. На Оренбургской пограничной линии // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. Вып. IV.
16. Левшин А. Описание киргиз-кайсацких и киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832.
17. Матвиевский П. Е. Россия и среднеазиатские народы в годы войны с Наполеоном // Ученые записки Чкаловского государственного педагогического института. Чкалов, 1956. Вып. 8.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 67. Оп. 1.
19. РГВИА. Ф. 231. Оп. 1.
20. Смирнов А. На «бухарской стороне» // Родина. 2004. № 5.
21. Шоинбаев Т. Ш. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.

УДК 159.9

Психологические науки

Существует множество исследований, в которых показано, что социальный капитал (оцениваемый на макро-уровне) сопряжен с уровнем социально-экономического развития стран. Однако не изучалось прямое влияние индивидуального социального капитала на намерение открыть частный бизнес. Данная работа представляет собой теоретическое исследование, основным выводом которого является гипотеза о том, что люди, имеющие намерение открыть собственный бизнес, характеризуются более высоким индивидуальным социальным капиталом.

Ключевые слова и фразы: индивидуальный социальный капитал; социальные сети; предпринимательское поведение.

Татарко Александр Николаевич, к. психол. н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

tatarko@yandex.ru

КУЛЬТУРА, ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ©

*Данное исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-06-00570а
(«Взаимосвязь характеристик гражданской и религиозной идентичностей
с экономическими представлениями и моделями экономического поведения»).*

Введение

В современных социальных науках все чаще обращается внимание на неэкономические факторы, способствующие экономическому прогрессу [2]. В существующих исследованиях показано, что одним из важнейших неэкономических факторов прогресса является социальный капитал [5; 12]. Другим важнейшим фактором экономического развития является предпринимательская активность населения [13; 15]. В настоящее время обнаружена сопряженность между предпринимательской активностью населения, малым бизнесом и экономическим развитием [9; 19]. Таким образом, социальный капитал и предпринимательская активность населения являются двумя важными факторами, от которых зависит экономическое развитие. Показано, что на макро-уровне социальный капитал связан с предпринимательской активностью населения [6; 16]. В целом, в странах с высоким уровнем межличностного доверия граждан – более благоприятные условия для предпринимательства, и оно успешно развивается, повышая благосостояние всей нации [7]. Наличие социальных связей позволяет быстрее преодолевать бюрократические барьеры, делая бизнес более успешным [16]. Высокий уровень социального капитала (доверие в обществе и плотность социальных связей) повышает возможности доступа к информации, необходимой для развития бизнеса, что стимулирует предпринимательскую активность [6].

Тем не менее, механизм влияния социального капитала на предпринимательскую активность на индивидуальном уровне изучен недостаточно. Главная цель нашего исследования – рассмотрение взаимосвязи этих двух факторов на индивидуальном уровне. При рассмотрении обозначенной проблемы на индивидуальном уровне мы сталкиваемся с необходимостью использовать понятие «индивидуальный социальный капитал».

Социальный капитал

Социальный капитал можно определить как явление группового уровня, которое может способствовать достижению индивидом или сообществом желаемых целей. Социальный капитал, с точки зрения одного из самых